

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА

DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-1-20-40

УДК 316.4; 316.7

Представления населения Красноярского края о смысле жизни: структура и динамика (1991-2016 гг.)

Валентин Геннадьевич Немировский

доктор социологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет
valnemirov@mail.ru

Аннотация. Цель статьи заключается в анализе малоизученных изменений, произошедших в структуре смысложизненных представлений и ценностных ориентаций населения Красноярского края за 26-летний период в условиях смены в стране общественно-экономического строя. Смысл жизни респондентов анализируется в двух его ипостасях: представлениях о желаемом будущем, а также ориентациях на терминальные и инструментальные ценности. В основе статьи лежат результаты пяти репрезентативных исследований, проведенных в регионе методом формализованного интервью с использованием сопоставимых методик. Полученные данные анализировались с помощью методов математической статистики (корреляционный, факторный анализ). Используется понятие иерархического уровня ценностных ориентаций по семиуровневой шкале потребностей в соответствии с модифицированной «пирамидой потребностей Маслоу». Происходящие трансформации смысложизненных представлений и ориентаций населения региона исследуются также в контексте дихотомии модусов «бытия» и «обладания» (Э. Фромм). Выделены три типа образа желаемого будущего: «Материальный достаток и престиж», «Семья и работа», «Духовное и нравственное развитие», проанализированы их социальные и ценностные характеристики. Установлено, что комплекс ориентаций на тип образа желаемого будущего «Материальный достаток» и связанные с ним терминальные и инструментальные ценности наиболее соответствуют сложившемуся в нашей стране типу общественного устройства. Показано, что за исследуемый период в массовом сознании населения Красноярского края произошло усиление престижно-потребительских, гедонистических и семейно-престижных смысложизненных ориентаций. В региональном социуме широко востребованы социальные практики, основанные на ценностях низких уровней, близких к полюсу «Обладание». Соответственно, он находится в состоянии перехода от стадии выживания к стадии развития. За исследуемый период почти вдвое выросла уверенность респондентов в реализации своего образа желаемого будущего. Делается вывод о социально-психологической и нравственной адаптации значительной части населения региона к сложившейся общественной ситуации. Распространение среди населения смысложизненных представлений и ориентаций низких уровней выступает важным фактором, который детерминирует продолжение социальных изменений, препятствующих переходу общества на более высокий уровень развития.

Ключевые слова: представления о смысле жизни, образ желаемого будущего, уровень ценностей, ценностные ориентации, Сибирь, Красноярский край, иерархия ценностей, «пирамида Маслоу», модус «бытия» и модус «обладания».

Цитирование: Немировский В. Г. Представления населения Красноярского края о смысле жизни: структура и динамика (1991-2016 гг.) / В. Г. Немировский // Siberian Socium. 2018. Том 2. № 1. С. 20-40. DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-1-20-40

АКТУАЛЬНОСТЬ

Произошедшие за более чем четвертьвековой период в российском обществе перемены серьезнейшим образом затронули ценностно-смысловую сферу личности, важнейшим элементом которой выступает смысл жизни. В нашей стране изменились не только границы и численность населения. Для понимания существующих сегодня реалий российской жизни не менее важно, что ушла в небытие коммунистическая идеология, сменилась общественно-экономическая формация (по поводу характеристик нового строя и его конкретного определения идут активные как научные, так и политические дискуссии, участие в которых не входит в нашу задачу). Разумеется, произошли существенные изменения и в ценностных ориентациях населения страны, квинтэссенцией которых выступает представление о смысле жизни. По нашему мнению, далеко не всегда в исследованиях и управленческой практике учитывается факт влияния системы ценностей населения на формирование социальной структуры общества и его социально-экономическое развитие. Весьма распространен подход, согласно которому именно «социально-экономический базис» выступает главной детерминантой как социокультурных процессов, так и особенностей духовной жизни общества. Между тем представления людей о смысле жизни являются не только результатом влияния социально-экономических и социокультурных процессов, но и активным самостоятельным фактором общественных трансформаций. Возникают вопросы: куда продвинулось наше общество за истекшие четверть века: к духовности и альтруизму или, напротив, к эгоизму и потребительству?

От этого во многом зависит дальнейший путь развития страны. Сибирские территории имеют свои характерные особенности. Вместе с тем как структура, так и динамика столь важных базовых ценностных ориентаций сибиряков, как смысловые, изучена явно недостаточно.

НАУЧНАЯ РАЗРАБОТАННОСТЬ ПРОБЛЕМЫ

Социологическое изучение смыслов восходит к работам таких классиков мировой социологии,

как Э. Дюркгейм [6] и Т. Парсонс [12, 13]. Весомый вклад в развитие социологического подхода к анализу смысла принадлежит А. Шютцу, рассматривавшему его как центральную категорию при анализе социальной реальности. Нельзя также не отметить важную роль в изучении данной проблематики, которая принадлежит Дж. Александеру [1], З. Бауману [2], П. Бергеру [3], И. Гофману [4, 5], Т. Лукману [3] и др. современным западным социологам.

В современной отечественной социологии представления людей о смысле жизни начали изучаться в восьмидесятых годах XX в., например, в фундаментальной работе Л. Н. Когана [7]. Несколько позднее была издана и наша монография «Смысл жизни: проблемы и поиски» (Киев: Политиздат, 1990). Особый интерес представляют недавно опубликованные работы Ж. Т. Тощенко, который анализирует данный феномен с позиций социологии жизни [20, с. 3-14].

Как справедливо отмечает автор, «если дать определение понятия „смысл“, то под ним следует понимать существенные, наиболее важные ценностные ориентации по достижению целей, определяющих главное содержание их жизни. В известной мере — это основная, конечная цель, которая может выступать как обобщенная ценность, так и в качестве ведущей в основных видах деятельности людей» [17, с. 9].

Поэтому важной методологической и методической проблемой социологического изучения смысла жизни человека выступает классификация ценностей. В современной социологии существуют различные подходы к решению данного вопроса и соответствующие им методики исследования. Так, широкое распространение среди зарубежных и отечественных исследователей получили подходы к классификации ценностей, основанные на них методики, публикации по результатам их использования М. Рокича [26, 27], Г. Хофстеде [22], Ш. Шварца [28, 29, 30, 31], Р. Инглхарта, К. Вельцеля, Х.-Д. Клингемана [32, 33] и др.

Так, с конца 80-х гг. прошлого века по инициативе Р. Инглхарта осуществляется международное лонгитюдное «Исследование мировых

ценностей» (World Values Survey), которое охватывает уже около 100 стран (в т. ч. и Россию). Следует отметить, что Р. Инглхарт для эмпирической верификации своего подхода использовал сокращенный вариант методики, созданной Ш. Шварцем. Р. Инглхарт на базе исследования «World Values Survey 1989-1991», проведенного в 43 странах мира, установил важные особенности жителей богатых и бедных государств. Они выражают специфику ценностных ориентаций населения через призму двух шкал: «традиционные ценности — секулярно-рациональные ценности» и «ценности выживания — ценности самовыражения» [23].

Среди указанных подходов важное место занимает концепция, которая опирается на теорию Абрахама Маслоу о иерархической структуре человеческих потребностей [24]. Широко применяется ее вариант, содержащий пять уровней; также существует ее «семиэтажная» версия, где верхним уровнем выступает потребность в самовыражении (личностном росте). В свою очередь, в нем выделяются три подуровня: познавательные потребности, эстетические потребности, потребности в самоактуализации.

Любой тип общества характеризуется преобладанием определенного уровня потребностей со свойственным ему набором ценностей. В соответствии с иерархией А. Маслоу, шкала «выживание — самовыражение», применяемая Р. Инглхартом, демонстрирует процесс перехода от реализации физиологических потребностей к удовлетворению более высоких интенций человека.

Вопросник, созданный на базе подхода Ш. Шварца, лег в основу «Европейского социального исследования». Полученные с его помощью данные в России были сопоставлены с ценностными ориентациями жителей большинства стран Европы [8, с. 245]. Компаративный анализ исследований ценностей жителей России и европейцев с 1990 по 2012 г. был осуществлен также в работе Н. С. Мاستиковой [9, с. 36]. Целый ряд исследований был посвящен анализу ценностных ориентаций различных групп населения Сибири: см., напр., [14, 16] и мн. др. В нескольких регионах Сибири в рамках Межрегиональной программы

«Социокультурная эволюция России и ее регионов» были проведены исследования с использованием методики изучения ценностных ориентаций, разработанной профессором, чл.-корр. РАН Н. И. Лапиным. Вместе с тем смысловые представления и ориентации жителей макрорегиона пока весьма слабо изучены.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПОДХОД

Еще в 1990 г., с позиций деятельностного, структурно-функционального подходов и на основе методологического принципа минимального универсума, опирающегося на современную научную картину мира, нами была разработана инновационная социологическая концепция смысла жизни, который «представляет собой устойчивую, доминирующую направленность группового или индивидуального сознания, которая непосредственно проявляется в социальной деятельности личности и имеет социальную ценность». Он выступает как иерархическая система диспозиций, охватывающих различные «этажи» индивидуального и массового сознания, а также бессознательного, рациональных и аффективных элементов. Соответственно, его реализация требует применения разнообразных проективных и иных методов, имеющих психологическое происхождение, а также использования математической статистики для обработки данных: корреляционного, регрессионного, факторного анализа и т. п. На основании разработанного нами постнеклассического универсального теоретико-методологического подхода были выделены десять концепций смысла жизни [11, с. 269-276].

Смысл жизни в данной работе рассматривается через призму образа желаемого будущего, выступающего одной из форм социальных представлений, которое имеет интенсивную темпоральную компоненту. Ценностное выражение смысла жизни в статье будет проанализировано в контексте ориентаций населения на терминальные и инструментальные ценности.

В современной социологической науке, как и в психологии, широко распространено представление об иерархической структуре потребностей, ценностных ориентаций, аттитюдов, диспозиций

и иных подобных феноменов. Среди подходов, разделяющих подобные представления, могут быть названы разработанная одним из основоположников гуманистической психологии А. Маслоу «пирамида» потребностей (с которыми взаимосвязана иерархическая система соответствующих ценностей), включающая семь уровней система феноменов личности (в т. ч. и ценностных ориентаций), представленная в трансперсональной психологии и социологии, четыре уровня диспозиций личности (В. А. Ядов), четыре уровня глубины смысла жизни, выделенные Г. Рикером и П. Вонгом [25], и др.

С конца 1980-х гг. в своих исследованиях мы опираемся на семиуровневую систему ценностей. Данная иерархия основана на принципах: «от материального — к духовному», «от эгоизма — к альтруизму». У человека с рождения последовательно формируются семь типов потребностей (А. Маслоу). Модернизированная на основе современной науки, иерархия выглядит следующим образом: «0. Потребности в разрушении (в том числе и саморазрушении). 1. Потребности физиологические. 2. Потребности в безопасности. 3. Потребности в принадлежности к сообществу и любви. 4. Потребности уважения (почитания). 5. Познавательные потребности, нравственные потребности. 6. Творческие, эстетические потребности, потребности в самовыражении и самореализации. 7. Социально-альтруистические и высшие духовные потребности» [10, с. 35-41]. Им соответствуют определенные ценности, с которыми непосредственно взаимосвязана ситуация в социуме. Усиление в последнем роли ценностей, в основе которых лежат потребности нулевого уровня, может быть показателем того, что социум изменяется по направлению к саморазрушению. Ценности первого уровня отражают этап выживания. Для ценностей второго уровня характерно его развитие. На следующем иерархическом уровне социум становится прочным, независимым. На четвертом уровне осуществляется общественная трансформация к социальному благополучию и гармоничному развитию. Характерно, что лишь на этом уровне социально-нравственные нормы становятся эффективными общественными регуляторами.

Последующие уровни выражают высокие ступени духовного развития человека, пока еще слабо реализованные в современных социумах. Мы также разделяем подход Э. Фромма, согласно которому существуют два модуса человеческого существования, иными словами, два глубинных принципа: «Эмпирические антропологические и психоаналитические данные свидетельствуют о том, что обладание и бытие — это два основных способа существования человека и преобладание одного из них определяет различия в индивидуальных характерах людей и типах социального характера» [21, с. 203].

Нами использовались 17 терминальных и 17 инструментальных ценностей. Принадлежность конкретной ценности к определенному уровню определялась методом экспертной оценки.

Гипотеза исследования. С 1991 по 2016 г. произошло снижение иерархического уровня ценностного содержания смысложизненных представлений и ориентаций населения Красноярского края, что выразилось в усилении престижно-потребительских, гедонистических и семейно-престижных, с одной стороны, и ослаблении культурно-нравственных ориентаций — с другой.

Методика исследования. Настоящая статья опирается на материалы пяти эмпирических исследований, проведенных социологами Красноярского государственного университета (с 2006 г. — Сибирский федеральный университет) во втором по величине регионе России — Красноярском крае. Было опрошено:

- 1991 г. — 1 488 респондентов;
- 2005 г. — 1 800 респондентов;
- 2010 г. — 1 000 респондентов¹;
- 2015 г. — 1 568 респондентов²;
- 2016 г. — 1 000 респондентов.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-03-00001а «Особенности социокультурного портрета Красноярского края».

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-03-00379а «Динамика социокультурных процессов в Восточно-Сибирском регионе в контексте современной модернизации России (на материалах социологических исследований в Красноярском крае)».

В 1991, 2005, 2010 гг. опрос осуществлялся методом формализованного интервью, в 2015 и 2016 гг. — полуформализованного. Во всех случаях использовалась стратифицированная, многоступенчатая, районированная, квотная выборка. При этом она была репрезентирована в соответствии с половозрастной, образовательной и поселенческой структурой региона. В 1991 и 2005 гг. опрос проводился, соответственно, в 32 и 30 различных населенных пунктах региона. В 2010, 2015 гг., как и в феврале 2016 г., исследование осуществлялось в 28 городах, поселках и сельских поселениях Красноярского края.

Инструментарий, использованный в исследованиях, включал несколько блоков индикаторов. Для анализа смысложизненных представлений и ориентаций респондентов использовалась три группы индикаторов и соответствующих шкал. Первая была направлена на изучение образа желаемого будущего респондентов. К числу достоинств подобной методики относится не только измерение отношения респондентов к тем или иным представлениям о будущем, но и оценка ими возможности их реализации. Данная методика была включена в анкеты, применявшиеся в исследованиях в 1991, 2005, 2010, 2015, 2016 гг. (а также во многих иных исследованиях, результаты которых не представлены в данной работе).

«Респонденту предлагалось ответить на вопрос: *„Представьте себя через 10 лет. Какие характеристики, по Вашему мнению, будут присущи Вашей жизни? (Выберите один вариант ответа в каждой строке)“* и с помощью трехбалльной шкалы „обязательно“, „возможно“, „маловероятно“ оценить следующие элементы образа желаемого будущего: 1. Активные занятия спортом. 2. Материальный достаток. 3. Вера в Бога. 4. Престиж, восхищение окружающих. 5. Хорошие возможности для отдыха, развлечений. 6. Хорошая семья. 7. Руководящая должность. 8. Интересная, творческая работа. 9. Регулярное чтение книг, посещение театров, концертов „серьезной“ музыки. 10. Жизнь ради людей, независимо от профессии, должности, зачастую в ущерб собственным интересам. 11. Духовное развитие, нравственное самосовершенствование» [11, с. 277].

Два других вопроса преследовали цель изучить терминальные ценности (ценности-цели) и инструментальные ценности (ценности-средства) в массовом сознании респондентов.

«Терминальные ценности: Что является для Вас главным в жизни? (Выберите не более 5 наиболее важных ценностей.)

1. Спокойная жизнь. 2. Здоровье. 3. Любовь. 4. Чистая совесть. 5. Власть, влияние на людей. 6. Материальное благополучие. 7. Приносить пользу людям. 8. Творчество. 9. Красивая жизнь. 10. Справедливость. 11. Процветание Родины. 12. Семья. 13. Обретение смысла жизни. 14. Карьера. 15. Будущее детей. 16. Независимость. 17. Занятие любимым делом.

Инструментальные ценности: Что, по Вашему мнению, необходимо для достижения жизненных целей? (Выберите не более 5 наиболее важных ценностей-средств.)

1. Высокая нравственность. 2. Высокое социальное положение. 3. Умение слукавить. 4. Образованность. 5. Вера в Бога. 6. Расчетливость. 7. Коллективизм. 8. Исполнительность. 9. Использование магии, колдовства. 10. Доброта. 11. Ответственность. 12. Честность. 13. Жесткость. 14. Деньги. 15. Умение ладить с людьми. 16. Трудолюбие. 17. Инициативность, предприимчивость» [11, с. 123].

Указанные индикаторы содержались в анкетах, с помощью которых проводились исследования в Красноярском крае в 2005 и 2015 гг. Для исследований, проведенных в 2010, 2015 гг., использовался инструментарий, разработанный в рамках Межрегиональной программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов»; в 2016 г. исследование включало ряд сопоставимых индикаторов.

Все это позволило выявить две тенденции: изменения представлений населения региона о желаемом будущем в 1991-2016 гг. и динамику ориентаций респондентов относительно терминальных и инструментальных ценностей в 2005-2015 гг. Кроме того, на основе индикаторов, включенных в вопросник, использованный в 2015 г., были проанализированы различные социальные характеристики респондентов, ориен-

тированных на определенные типы образа будущего, а также их ценностное содержание.

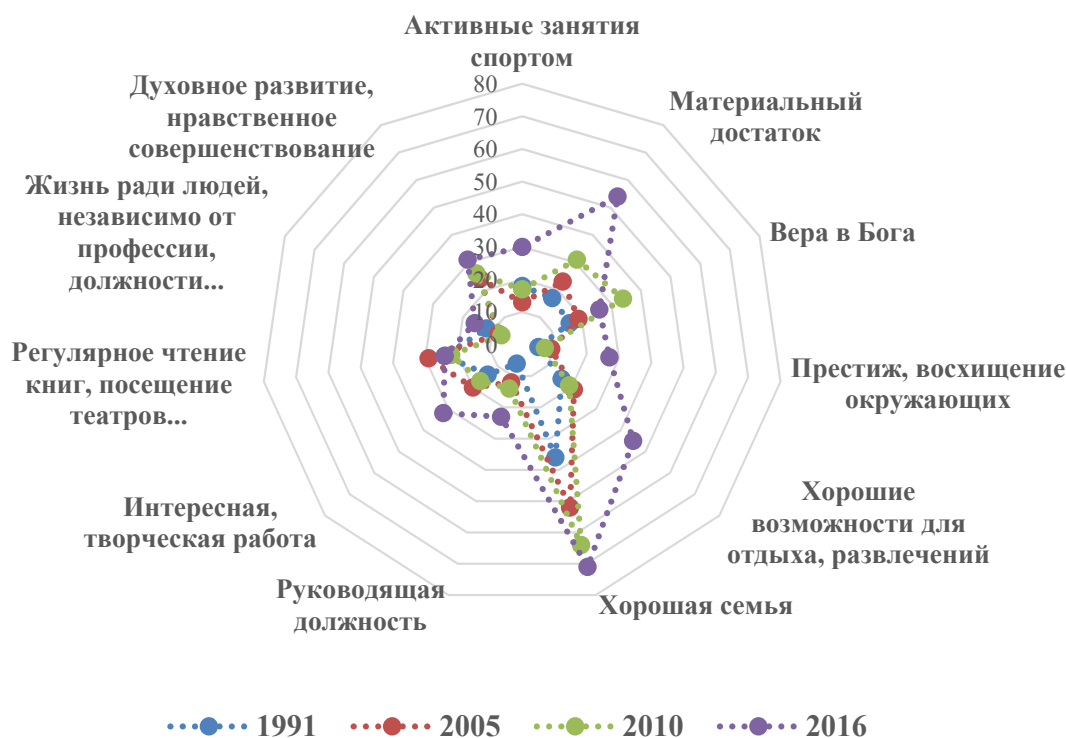
ДИНАМИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА О ЖЕЛАЕМОМ БУДУЩЕМ

В представлениях жителей Красноярского края о желаемом будущем в период с 1991 по 2016 г. произошли существенные изменения. Рассмотрим мнение тех респондентов, которые выбрали на предложенной им шкале вариант ответа «**обязательно**» (рис. 1). По результатам опроса, проведенного в 1991 г., наиболее значимым элементом образа желаемого будущего, в реализации которого также не сомневались 36% респондентов, была «хорошая семья». Остальные его элементы существенно отставали по предпочтениям респондентов, как и по их уверенности в реализации данных намерений. Следует отметить, что за 26 лет заметно увеличилась уверенность опро-

шенных жителей Красноярского края в возможностях реализации той или иной концепции их образа желаемого будущего. Если в 1991 г. вариант ответа «**обязательно**» отметили в среднем 16,4% опрошенных, то в 2016 г. уже 29,5%. Это свидетельствует о ряде позитивных тенденций в развитии как регионального, так и российского социума, которые привели к существенному расширению возможностей для самореализации населения. Однако важно ответить на вопрос: каким образом намерены самореализоваться жители региона спустя более чем четверть века после первого исследования?

В 2016 г. наиболее важным и достижимым элементом образа желаемого будущего у жителей региона остается «хорошая семья» — 71% опрошенных (доля респондентов, отметивших его как «**обязательный**», увеличилась 2 раза). Вместе с тем в массовом сознании на первый план выдвинулись еще два представления о желаемом

Рис. 1. Динамика представлений жителей региона о желаемом будущем: 1991-2016 гг. (%)
Fig. 1. The trends in the views on the desired future of the region's population in 1991-2016 (%)

будущем: «материальный достаток» — 54% (доля ориентированных на него выросла в 3,2 раза) и «хорошие возможности для отдыха, развлечений» — 45% (рост, соответственно, в 2,8 раза). Наиболее резко выросла ориентация респондентов, как и их мнение о возможности реализации данного представления, на «престиж, восхищение окружающих» — в 5,4 раза (27% опрошенных). В 3,8 раза увеличилось значение элемента «руководящая должность» (23%), в 2,2 — «интересная, творческая работа» (32%), в 1,7 — «активные занятия спортом» (30%), в 1,6 — вера в Бога (26%), в 1,3 — «жизнь ради людей, независимо от профессии, должности, места жительства» (16%), в 1,3 — «духовное развитие, нравственное самосовершенствование» (31%). Ориентация на «регулярное чтение книг, посещение театров, концертов „серьезной“ музыки» осталась на прежнем уровне (24%).

Как видим, с момента начала «строительства капитализма» у жителей нашей страны (судя по исследованиям в данном регионе) наиболее резко — в разы — возросли престижно-потребительские, гедонистические, властные ориентации. То же можно сказать относительно заботы о своем здоровье (занятия спортом) и создании хорошей семьи.

Значительно выросли ориентации на веру в Бога. Однако слабо увеличились духовно-нравственные ориентации и осталось на прежнем уровне значение культурной жизни.

Анализ смысла жизни в единстве не только массового сознания, но и массового бессознательного требует использования, в данном случае, факторного анализа. Он показал, что по данным, полученным в результате исследования 2005 г., выявлены две укрупненные ориентации:

— Ф-1 — фактор, имеющий значительно более высокую описательную силу, чем последующий. Он выражает **престижно-потребительский образ желаемого будущего**: хорошие возможности для отдыха, развлечений; материальный достаток; престиж, восхищение окружающих; руководящая должность; активные занятия спортом; интересная, творческая работа; хорошая семья. Коммуналитет — 38%.

— Ф-2 характеризует **духовно-альтруистический и культурно-нравственный образ желаемого будущего** респондентов. Он объединяет ориентации на духовное развитие, нравственное самосовершенствование; жизнь ради людей, независимо от профессии, должности, зачастую в ущерб собственным интересам; регулярное чтение книг, посещение театров, концертов «серьезной» музыки; вера в Бога. Соответственно, 18% [11, с. 374].

В результате анализа данных, полученных в 2016 г., установлено, что массовое бессознательное респондентов содержит две укрупненные латентные переменные, характеризующие их смысложизненные ориентации:

— Ф-1 определяет **престижно-потребительский образ желаемого будущего**: ориентации респондентов на престиж, восхищение окружающих; материальный достаток; руководящую должность; хорошие возможности для отдыха, развлечений; активные занятия спортом; хорошую семью; интересную, творческую работу. Описательная сила фактора — 46,8 %.

— Ф-2 выражает **культурно-нравственный и религиозно-альтруистический образ желаемого будущего**: ориентации на регулярное чтение книг, посещение театров, концертов «серьезной» музыки; духовное развитие, нравственное самосовершенствование; жизнь ради людей, независимо от профессии, должности, зачастую в ущерб собственным интересам; веру в Бога — 13,5%.

Следовательно, за 16-летний период трансформации латентной структуры представлений жителей региона о желаемом будущем выразились, применяя терминологию Э. Фромма, прежде всего в усилении «локуса обладания» и ослабления «локуса бытия».

Можно сделать вывод, согласно которому сознательно-альтруистическая и культурно-нравственная смысложизненные ориентации в массовом бессознательном респондентов объединились с ориентацией на веру в Бога. В известной мере это может свидетельствовать об увеличении

влияния религиозных ценностей и норм, возрастании их мотивирующей роли в социально-коммуникативных и духовно-нравственных элементах смысла жизни населения региона. Тем более что три четверти опрошенных считают себя православными верующими.

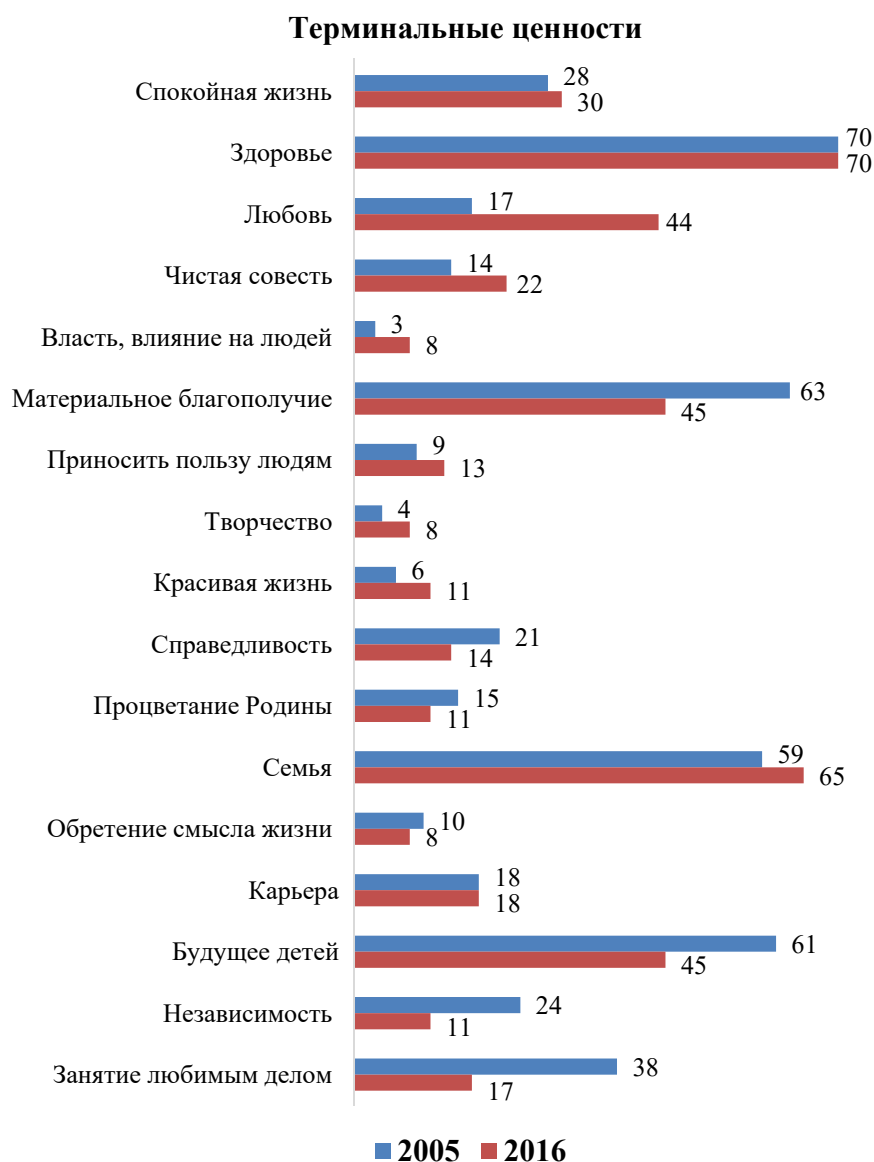
В целом мы наблюдаем более существенное обособление разнополярных смысложизненных направленностей жителей Красноярского края. Соответственно усилилась нравственно-цен-

ностная специфика каждого из двух условных социальных субъектов — носителей данных ориентаций.

ДИНАМИКА ОРИЕНТАЦИЙ РЕСПОНДЕНТОВ НА ТЕРМИНАЛЬНЫЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ

В 2005 г. **первое место** в массовом сознании жителей региона занимали следующие **терминальные** ценности (рис. 2):

Рис. 2. Динамика терминальных ценностей жителей Красноярского края (%)
Fig. 2. The trends in the finite values of the Krasnoyarsk Territory's residents (%)

- здоровье (70%) — 2-й уровень;
- материальное благополучие (63%) — 2-й;
- будущее детей (61%) — 2-й;
- семья (59%) — 2-й.

Это достаточно «стандартный набор» ценностей для современных жителей России. Через 11 лет ведущее положение также занимали только *здоровье (70%)* и *семья (65%)*. Отметим тенденции, которые проявились в ценностном сознании жителей Красноярского края за 11 лет (рис. 2).

Прежде всего, следует указать на существенное **снижение** значения следующих **ценностей-целей**:

- будущее детей — 2-й уровень;
- материальное благополучие — 2-й;
- занятие любимым делом — 2-й;
- независимость — 3-й.

Одновременно резко **увеличилось** число респондентов, имеющих ориентации на:

- любовь — 5-й уровень;
- чистую совесть — 6-й.

Следовательно, в 2005-2016 гг. уменьшилось значение ряда терминальных ценностей низких уровней, но повысилась доля респондентов, ориентированных на отдельные терминальные ценности высоких уровней. Иными словами, произошло очевидное возвышение жизненных целей респондентов в направлении к модусу «бытия». В системе же ориентаций населения региона на инструментальные ценности наблюдаются более сложные процессы.

В 2005 г. доминировал «квартет» инструментальных ценностей (см. рис. 3):

- трудолюбие (75%) — 4-й уровень;
- ответственность (51%) — 4-й;
- инициативность, предприимчивость (49%) — 3-й;
- умение ладить с людьми (48%) — 2-й.

В 2016 г.:

- образованность (51%) — 4-й уровень;
- ответственность (50%) — 4-й.

За одиннадцать лет в структуре ориентаций респондентов на инструментальные ценности произошли существенные и при этом весьма противоречивые изменения (см. рис. 3). Так, с одной стороны, более чем в два раза повысили свою значимость:

- высокое социальное положение родителей — 2-й уровень;
- расчетливость — 1-й;
- умение слукавить — 2-й.

Почти так же возросла доля респондентов, выбравших:

- высокую нравственность — 7-й уровень;
- коллективизм — 4-й.

Но резко уменьшилась роль ценностей:

- честность — 5-й уровень;
- трудолюбие — 4-й;
- инициативность — 3-й;
- предприимчивость — 3-й;
- деньги — 1-й;
- умение ладить с людьми — 2-й.

Таким образом, в иерархии как терминальных, так и инструментальных ценностей произошло уменьшение числа доминирующих векторов, в результате чего в каждой из них осталось по две преобладающие ценности. Можно предположить, что эти данные отражают рост самосознания населения региона, его социально-психологическую и нравственную адаптацию к новой общественной ситуации, развитие умения делать рациональный выбор эффективных ценностных средств достижения жизненных целей. Вместе с тем нельзя закрывать глаза на противоречивость процессов, происходящих в ценностном сознании жителей региона: если наблюдается возвышение терминальных ценностей, то инструментальные ценности демонстрируют широкий спектр изменений: ценности разных уровней как бы «поменялись позициями». Теперь явно прослеживается тенденция на достижение терминальных ценностей высоких уровней с помощью социальных практик, основанных на ценностях низких уровней. Иными словами, подчас люди руководствуются принципом «цель оправдывает средства».

На наш взгляд, эти тенденции непосредственно отражают противоречивые социокультурные и социально-экономические процессы, происходившие в эти годы в транзитивном российском обществе. Изложить наши объяснения факторов изменений значимости каждой из указанных выше ценностей не позволяют ограниченные

рамки статьи. Мы полагаем, что более эффективно будет проанализировать ценностный смысл типологизированных представлений жителей региона о своем желаемом будущем.

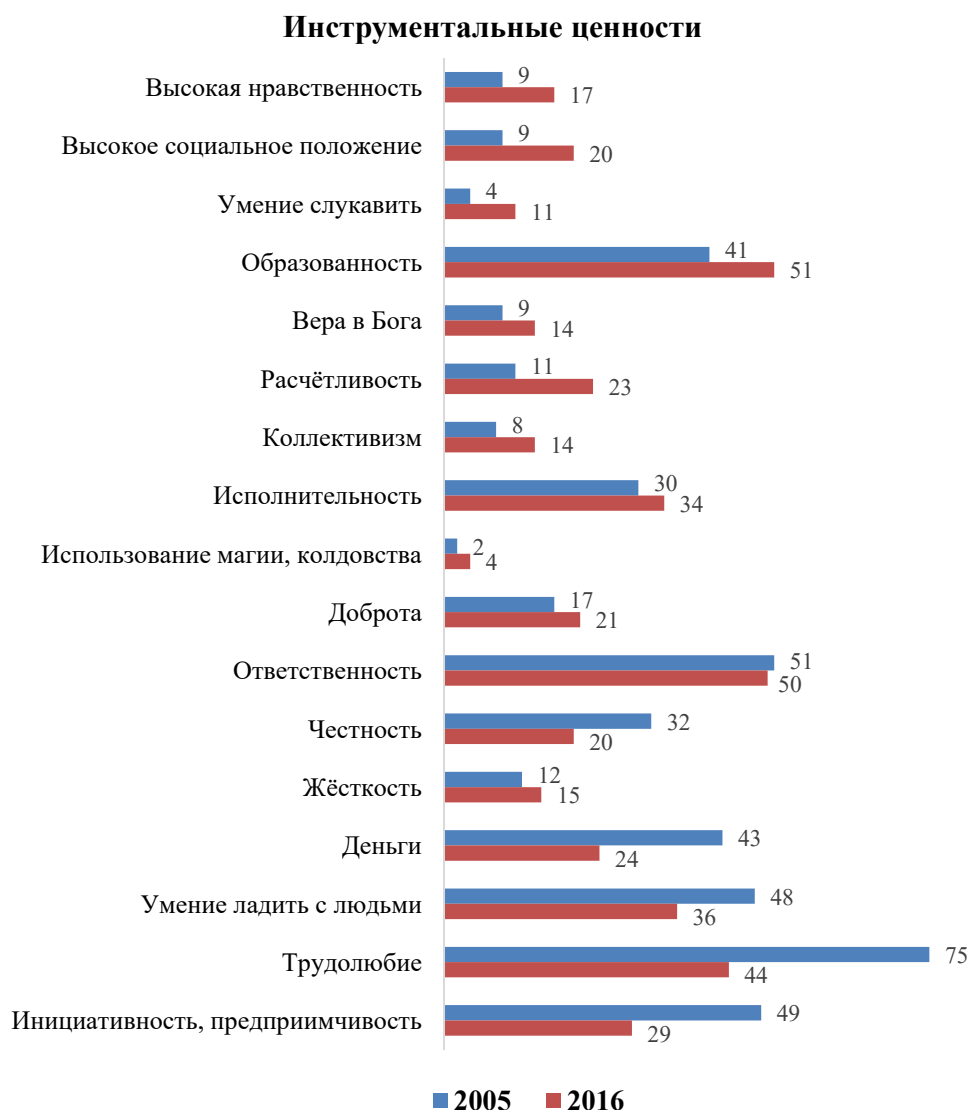
ТИПОЛОГИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РЕСПОНДЕНТОВ О ЖЕЛАЕМОМ БУДУЩЕМ

Факторный анализ данных, полученных в 2015 г., позволил выявить три латентных переменных в массовом бессознательном жителей региона, эти

результаты несколько отличаются от результатов 2016 г. Мы обратились к их использованию, поскольку они дают возможность более подробного анализа структуры и ценностного содержания представлений респондентов о желаемом будущем.

Ф-1. 0,778 материальный достаток; 0,761 руководящая должность; 0,752 хорошие возможности для отдыха, развлечений; 0,729 активные занятия спортом; 0,679 престиж, восхищение окружающих. Коммуналитет — 30,83%.

Рис. 3. Динамика инструментальных ценностей жителей Красноярского края (%)
Fig. 3. The trends in the pragmatic values of the Krasnoyarsk Territory's residents (%)

Ф-2. 0,702 духовное развитие, нравственное самосовершенствование; 0,660 жизнь ради людей, независимо от профессии, должности, зачастую в ущерб собственным интересам; 0,658 регулярное чтение книг, посещение кинотеатров, концертов «серьезной» музыки; 0,563 вера в Бога. Коммуналитет — 12,19%.

Ф-3. 0,792 хорошая семья; 0,718 интересная, творческая работа. Коммуналитет — 10,67%.

На следующем этапе с помощью корреляционного анализа анализировались взаимосвязи различных переменных с тремя выделенными фактор-признаками: «Материальный достаток и престиж», «Духовное и нравственное развитие», «Семья и работа». Кроме того, была сделана группировка респондентов, опирающаяся на результаты факторного анализа. Переменные, вошедшие в каждый из факторов, стали основой ценностного индекса, или ценностной группы в каждом из трех случаев. Так, были сформированы три группы, в каждую из которых вошли респонденты, указавшие для этих ценностей максимальное значение в анкете — 3 балла, т. е. три группы носителей ценностей, как они их декларируют, с условными названиями «Материальный достаток и престиж» (переменные: материальный достаток, руководящая должность, хорошие возможности для отдыха и развлечений, активные занятия спортом, престиж и восхищение окружающих); «Духовное и нравственное развитие» (духовное развитие, нравственное самосовершенствование; жизнь ради людей, независимо от профессии, должности, зачастую в ущерб собственным интересам; регулярное чтение книг, посещение кинотеатров, концертов «серьезной» музыки; вера в Бога) и «Семья и работа» (хорошая семья; интересная, творческая работа).

Первая группа (фактор-признак «Материальный достаток и престиж») включает больше мужчин, чем женщин. Напротив, во второй группе («Духовное и нравственное развитие») преобладают женщины. Половой состав третьей группы («Семья и работа») является «равновесным», в ней практически одинаково представлены мужчины и женщины.

Что касается уровня образования представителей трех групп респондентов, то в первую из них входят главным образом лица с высшим и послевузовским образованием (коэффициент корреляции Пирсона с уровнем образования респондентов составляет 0,219**). Вторая группа представлена опрошенными жителями региона с уровнем образования, несколько более высоким, чем в среднем по выборке (корреляция равна 0,083**). Смысложизненные ориентации представителей третьей группы не связаны с их уровнем образования.

Если основой первой группы выступает молодежь (коэффициент корреляции с возрастом респондента составляет 0,504**), то жители региона, ориентированные на «духовное развитие и нравственное совершенствование», а также «семью и работу», распределены по возрастной шкале достаточно равномерно.

Согласно результатам корреляционного анализа, большинство жителей Красноярского края, ориентированных на «Материальный достаток и престиж», относятся к высокодоходным группам населения (0,331**); на «Духовное и нравственное совершенствование» — скорее к представителям среднедоходных групп (0,129**). Фактор, описывающий ориентации на «Семью и работу», не связан с принадлежностью респондентов к той или иной доходной группе.

Выявлено: чем выше социально-экономический слой, к которому принадлежит респондент, тем сильнее его ориентация на фактор «Материальный достаток и престиж» (0,282**). Ориентации на фактор «Духовное и нравственное развитие» имеют довольно слабую корреляцию с социально-экономической принадлежностью опрошенных: соответственно 0,083**. Ориентация на фактор «Семья и работа» практически не имеет значимой корреляции с принадлежностью индивидов к тому или иному социально-экономическому слою.

Исследование показало, что существует четкая корреляция ориентаций, описываемых фактором «Материальный достаток и престиж», с принадлежностью респондентов к более высоким социальным слоям в своем городе (селе) (0,269**);

в своем регионе (0,275**); в масштабе всей страны (0,211**). Корреляции ориентаций на фактор «Духовное и нравственное развитие» с принадлежностью к тому или иному социальному слою существенно слабее и описывают социальную самоидентификацию человека только в собственном населенном пункте (0,105**) и, притом весьма слабо, — в своем регионе (0,070**). Корреляционная взаимосвязь ориентаций фактора «Семья и работа» с принадлежностью респондента к тому или иному социальному слою не выявлена.

Корреляционный анализ свидетельствует, что респонденты, ориентированные на образ желаемого будущего, описываемый фактором «Материальный достаток и престиж», чаще принадлежат к высшему или к высшему среднему классу (0,299**). Существенно слабее выражена корреляция классовой принадлежности жителей региона с фактором «Духовное и нравственное развитие» (0,103**), что говорит о распространенности таких ориентаций у респондентов, принадлежащих к более низким классам. Значимая корреляция фактор-признака «Семья и работа» с классовой принадлежностью человека отсутствует.

Все три выделенных фактора также различаются по характеру локуса контроля. В частности, наиболее склонны к интернальному локусу контроля респонденты, имеющие ориентации, описываемые фактором «Материальный достаток и престиж» (0,245**). Наименее — «Семья и работа» (0,078**). С определенной натяжкой можно сказать, что степень интернальности локуса контроля лиц, ориентированных на фактор «Духовное и нравственное развитие», имеет промежуточное значение (0,107**).

Следует обратить внимание на существенные различия в социально-политических ориентациях населения региона в зависимости от их образа желаемого будущего. Респонденты, ориентированные на фактор «Материальный достаток и престиж», а также «Духовное и нравственное развитие», значительно более склонны полагать, что российской специфике соответствует «Государство, существующее в России в настоящее время» (соответственно 52 и 54%), нежели «Демократия западного типа» (соответственно 35 и

27%). Приверженцы «Семьи и работы» в равной мере поддерживают обе политические системы (соответственно 40 и 42%). Авторитарный режим имеет минимальную популярность у респондентов, которые ориентированы на «Материальный достаток и престиж» (2%). У опрошенных, в образе будущего которых преобладают «Духовное и нравственное развитие», а также «Семья и работа», поддержка авторитарного режима заметно выше: соответственно 7 и 8%. Другие формы политических систем малопопулярны среди населения региона (особенно «религиозное государство») и не имеют различий в своей привлекательности для трех выделенных нами групп респондентов.

Установлена корреляция между ориентацией на фактор «Материальный достаток и престиж» и самооценкой опрошенными жителями региона своего здоровья как «хорошего» и «очень хорошего» (0,351**). Смыслоразнозначные ориентации, описываемые двумя другими факторами, никак не коррелируют с ответами респондентов на данный вопрос.

Выявлена корреляция смысловых ориентаций, описываемых фактором «Материальный достаток и престиж» со степенью удовлетворенности респондентов собственной жизнью (0,257**). Ориентации на фактор «Семья и работа» имеет с ней существенно более низкую взаимосвязь (0,084**). «Духовное и нравственное самосовершенствование» не имеет значимой корреляции на уровне 0,01 с удовлетворенностью жизнью.

Высокая удовлетворенность финансовым положением своей семьи существенно коррелирует с ориентацией на «Материальный достаток и престиж» (0,291**). Значительно ниже коэффициент корреляции между удовлетворенностью своим финансовым положением и ориентацией на «Духовное и нравственное развитие» (0,094**). У фактор-признака «Семья и работа» корреляционная взаимосвязь с удовлетворенностью респондентов финансовым положением собственной семьи отсутствует.

Ориентации жителей Красноярского края на фактор «Материальный достаток и престиж» коррелируют с ощущением счастья (0,241**). В

то время как ориентации на два других выделенных нами фактор-признака образа желаемого будущего не имеют значимой корреляции с уровнем счастья, испытываемого индивидом.

Таким образом, группа респондентов, имеющих образ желаемого будущего, описываемый фактором **«Материальный достаток и престиж»**, — это чаще мужчины, нежели женщины, преимущественно с высшим и послевузовским образованием, в основном молодые. Они принадлежат к более высоким социальным слоям, как в рамках своего населенного пункта, так и собственного региона и страны в целом, и наиболее высоким социально-экономическим слоям. Как правило, относят себя к высшему или высшему среднему классу. Многие из них входят в высокодоходные группы населения. Ориентация на **«Материальный достаток и престиж»** часто сочетается с интернальным локусом контроля и самооценкой своего здоровья как «хорошего» или «очень хорошего», высокой степенью удовлетворенности своей жизнью и финансовым положением своей семьи, ощущением счастья. Многие из носителей этого типа желаемого будущего склонны полагать, что российской специфике больше соответствует «Государство, существующее в России в настоящее время», нежели «Демократия западного типа». Имеют минимальную среди представителей трех рассматриваемых групп респондентов ориентацию на авторитарный режим.

Группа опрошенных жителей региона, ориентированных на **«Духовное и нравственное развитие»**, включает больше женщин со средним (средним специальным) и высшим образованием, независимо от возраста. Входящие в нее респонденты относят себя в основном к средним социальным слоям, причем лишь в контексте своего города (поселка) и региона. Чаще принадлежат к низшему среднему или рабочему классу. В этой группе преобладают представители среднедоходных групп и средних социально-экономических слоев. Самооценка состояния здоровья, как и степень удовлетворенности собственной жизнью и финансовым положением своей семьи, также находится на уровне среднего по выборке.

Имеют аналогичные социально-политические предпочтения, что и ориентированные на **«Материальный достаток и престиж»**, за исключением некоторой потенциальной поддержки авторитарного режима (примерно каждый 12-й из респондентов, отнесенных к этой группе).

У опрошенных, которые имеют образ желаемого будущего **«Семья и работа»**, отсутствует специфический уровень образования и характерный только для них возраст, как и принадлежность к определенному социальному слою. Принадлежность к данной группе не связана с классовой принадлежностью человека. Мужчины и женщины представлены в ней равномерно. Ориентации на данный фактор не коррелируют с принадлежностью опрошенных жителей Красноярского края к той или иной доходной группе или социально-экономическому слою. Они имеют максимальные значения интернального локуса контроля среди трех выделенных групп. Здоровье — на уровне среднего по выборке. Ориентации на данный фактор-признак никак не связаны ни со степенью удовлетворенности собственной жизнью, ни со степенью удовлетворенности финансовым положением своей семьи. Несколько чаще, чем представители двух первых групп, эти респонденты ориентированы на «демократию западного типа» и «авторитарный режим».

Как видим, группа респондентов, ориентированных на образ желаемого будущего **«Материальный достаток и престиж»**, имеет наиболее высокие социальные характеристики, а также субъективные показатели удовлетворенности жизнью. Это говорит о существовании в современном российском социуме максимально благоприятных условий для реализации именно подобного образа будущего.

Ориентации респондентов на образ желаемого будущего **«Материальный достаток»** имеют, по сравнению с двумя другими его типами, более многочисленные корреляционные связи с терминальными и инструментальными ценностями (таблица 1). Как правило, это ценности низких уровней. При этом отвергаются ценности-цели высоких уровней: «чистая совесть» и «процветание Родины». Важно отметить, что достиже-

нию в будущем «Материального достатка», судя по результатам корреляционного анализа, препятствуют ориентации на «спокойную жизнь» и «будущее детей».

ЦЕННОСТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЗОВ ЖЕЛАЕМОГО БУДУЩЕГО

Этот образ желаемого будущего имеет наиболее широкое многообразие смыслов, которые могут

быть реализованы в современной социокультурной ситуации.

Особняком выделяется достаточно высокая корреляция с терминальной ценностью «любовь», которая присутствует также и в отношении образа желаемого будущего «Духовное и нравственное развитие» (хотя и существенно более слабая). По нашему мнению, это вызвано многозначностью данной ценности, с реализацией которой могут

Таблица 1. Коэффициенты корреляции фактор-признаков образа желаемого будущего у опрошенных жителей Красноярского края с их ориентациями на терминальные и инструментальные ценности
Table 1. The correlation coefficients for the indicating factors of the desired image of the future among the interviewed residents of the Krasnoyarsk territory with their orientations at the finite and pragmatic values

Фактор-признак (тип образа желаемого будущего)	Терминальные ценности	Инструментальные ценности	Коэффициент корреляции Пирсона	Уровень ценности
«Материальный достаток и престиж»	Любовь		+0,242**	5
	Карьера		+0,293**	1
	Красивая жизнь		+0,164**	0
	Власть, влияние на людей		+0,127**	1
	Независимость		+0,081**	3
	Материальное благополучие		+0,079**	2
	Высокое социальное положение		+0,071**	1
	Спокойная жизнь		-0,208**	1
	Будущее детей		-0,186**	6
	Чистая совесть		-0,108**	2
	Процветание Родины		-0,090**	5
			Инициативность, предприимчивость	+0,119**
		Высокое социальное положение родителей	+0,071**	1
«Духовное и нравственное развитие»	Высокая нравственность		+0,120**	7
	Творчество		+0,090*	6
	Процветание Родины		+0,105**	5
	Любовь		+0,085**	5
	Материальное благополучие		-0,155**	2
		Вера в Бога	+0,155**	5
		Коллективизм	+0,087**	4
		Доброта	+0,094**	6
		Деньги	-0,093**	1
«Семья и работа»		Умение ладить с людьми	-0,076**	2
	Семья		+0,103**	2
	Здоровье		+0,092**	2
	Чистая совесть		-0,100**	6
		Доброта	+0,090**	6

быть связаны самые разные личностные смыслы, в том числе — противоположные.

Образ желаемого будущего «Духовное и нравственное развитие», как и следовало ожидать, имеет корреляции с ценностями-целями и ценностями-средствами высоких уровней. Одновременно отвергаются терминальная ценность «материальное благополучие» и инструментальные ценности «деньги» и «умение ладить с людьми». Можно сказать, что важными отличительными чертами этого образа желаемого будущего выступает ориентация на терминальную ценность «вера в Бога», а также отвержение инструментальной ценности «материальное благополучие».

Образ желаемого будущего «Семья и работа» обнаруживает минимальное число корреляций с ценностными ориентациями респондентов. Причем это терминальные ценности низкого уровня «семья» и «здоровье» и терминальная ценность высокого уровня — «доброта».

Наличие отрицательной корреляции образа желаемого будущего «Семья и работа» с терминальной ценностью «чистая совесть» вызывает риторический вопрос: можно ли быть добрым человеком, являясь при этом принципиально «бессовестным»? Данный образ будущего принадлежит к числу тех фантомных образований в массовом сознании, механизмы формирования которых были глубоко проанализированы в работах Ж. Т. Тощенко. Автор показал, что кентаврические феномены нередко присутствуют на подсознательном уровне, при этом их носитель может не осознавать противоречивость собственного поведения и сознания [19; 18, с. 156]. В определенной мере это относится и к «Материальному достатку» с его «бессовестной любовью» и нежеланием заботиться о «будущем детей». В отличие от двух названных, образ желаемого будущего «Духовное и нравственное развитие» в ценностно-смысловом аспекте непротиворечив и целостен.

Важно подчеркнуть, что образы желаемого будущего «Духовное и нравственное развитие» и «Семья и работа» имеют, по сравнению с образом «Материальный достаток», значительно

меньше корреляционных взаимосвязей с терминальными и инструментальными ценностями. Более того, значения коэффициентов корреляции при этом существенно ниже. Напрашивается вывод, что образ желаемого будущего «Материальный достаток» и наполняющие его смыслы, в отличие от двух других рассматриваемых нами образов желаемого будущего респондентов, могут быть реализованы с помощью значительно более широкого спектра социальных практик. Иными словами, из трех рассматриваемых образов будущего «Материальный достаток» максимально включен в современный социокультурный контекст жизни населения региона.

Корреляционный анализ также показал, что ряд ценностей не взаимосвязаны с фактор-признаками образа желаемого будущего. В частности, в массовом сознании респондентов «провисают» ценности-цели, в основном высоких уровней: «принести пользу людям» (7-й уровень), «обретение смысла жизни» (7-й), «справедливость» (4-й), а также «занятие любимым делом» (2-й). То же касается и следующих инструментальных ценностей различных уровней: «умение слукавить» (1-й), «образованность», «расчетливость» (1-й), «исполнительность» (2-й), «использование магии, колдовства» (0-й), «ответственность» (4-й), «честность» (5-й), «жесткость» (2-й), «трудолюбие» (4-й).

Отсутствие корреляции между данными фактор-признаками и вышеуказанными терминальными ценностями можно интерпретировать как убежденность респондентов в сложности реализовать в своей будущей жизни вышеуказанные ценности-цели. Полученные результаты корреляционного анализа свидетельствуют о существовании этих ценностей лишь на вербальном уровне у определенной части опрошенных жителей региона. Это значит, что, как правило, респонденты не стремятся (или не могут) реализовать подобные ценности в своих социальных практиках.

Что же касается инструментальных ценностей, то речь может идти об их неспособности выступать ценностными инструментами для реализации существующих у опрошенных жителей региона трех вышеописанных образов желаемого будущего. В частности, негативное социальное значение

имеет отсутствие корреляции ориентаций на данные образы с такими социально и нравственно позитивными ценностями, как честность, трудолюбие, ответственность, образованность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выдвинутая гипотеза в основном подтвердилась. Главная тенденция, выявленная в результате сравнительных исследований с 1991 по 2016 г. в массовом сознании и бессознательном населения Красноярского края, — это усиление престижно-потребительских, гедонистических и семейно-престижных смысложизненных ориентаций. Созидательно-альтруистические и культурные ориентации на вербальном уровне массового сознания остались, фактически, прежними, но можно говорить об их ослаблении в массовом бессознательном респондентов. Эти ценностные трансформации отражают процессы развития ценностного сознания населения крупного сибирского региона в условиях новой социально-экономической реальности. На основании приведенных результатов исследований можно утверждать, что комплекс ориентаций на тип образа желаемого будущего «Материальный достаток» и связанные с ним терминальные и инструментальные ценности оптимально соответствуют сложившемуся в нашей стране типу общественного устройства. Не случайно ориентированные на него респонденты часто считают, что российской специфике наиболее соответствует «государство, существующее в России в настоящее время». Нелепо было бы полагать, что ситуация в столь крупном и разнообразном по своим социально-экономическим характеристикам регионе существенно отличается от общероссийской. Полученные данные в значительной мере близки к результатам общероссийских исследований. Например, последние показывают, что у современных россиян ключевые слагаемые «представления о жизненном успехе: семья и дети, финансовое благополучие, работа/бизнес (50-57%). Дополняют нормативную модель успешности самореализации и возможность проявления себя, образование, здоровье, красота, спорт (33-45%). На втором плане — критерии успеха,

связанные с окружающим миром (быть полезным обществу и людям — 19%, признание и уважение со стороны окружающих, обретение важных знакомств и связей, доступ к информации и общению в соцсетях — 9-12%, политика и участие в работе политических и общественных организаций — 1%)» [15, с. 215]. Следовательно, в российском обществе стали наиболее востребованными социальные практики, основанные на ценностях низких уровней, близких к полюсу «обладание». Это значит, что (если к тому же учитывать различный полисмысловый характер ценности «любовь») в настоящее время наш социум находится в переходе от стадии выживания к стадии развития. Разумеется, в нем существуют отдельные лакуны для реализации типов образа желаемого будущего «Духовное и нравственное развитие», а также «Семья и работа». Чтобы обеспечить уверенный переход общества к стадии устойчивого развития, должны быть созданы благоприятные условия для реализации именно подобных интенций населения. Более того, возможно дальнейшее воспроизведение тех социальных смыслов и практик, которые присущи существующему невысокому уровню духовно-нравственного развития социума. В свою очередь, произошедшее за последние годы распространение среди населения смысложизненных представлений и ориентаций низких уровней выступает важным фактором, детерминирующим направление социальных трансформаций. В таком случае мы рискуем «застрять» на данной, далеко не самой привлекательной и перспективной, ступени развития.

Поскольку население Сибири имеет специфику ценностного сознания, связанную с социокультурно-историческими и экономическими факторами, целесообразно провести компаративные исследования смысложизненных ориентаций населения в других регионах страны.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование, проведенное в 2010 г., выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-03-00001а «Особенности социокультурного портрета Красноярского края».

Исследование, осуществленное в 2015 г., выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-03-00379а «Динамика социокультурных процессов в Восточно-Сибирском регионе в контексте современной модернизации России (на материалах социологических исследований в Красноярском крае)».

Автор выражает искреннюю благодарность коллегам, принимавшим участие в исследовании, результаты которых легли в основу настоящей работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология / Дж. Александер. М.: Праксис, 2013. 640 с.
2. Бауман З. Текущая современность / З. Бауман. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
3. Бергер П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман. М.: Институт социологии РАН, 2004. 752 с.
5. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. 304 с.
6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. М.: Наука, 1991. 576 с.
7. Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека / Л. Н. Коган. М.: Мысль, 1984. 252 с.
8. Магун В. С. Базовые ценности-2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами / В. С. Магун, М. Г. Руднев // Россия реформирующаяся: Ежегодник — 2011 / отв. ред. академик РАН М. К. Горшков. Вып. 10. М.; СПб.: Институт социологии РАН: Нестор-История, 2011. С. 244-280.
9. Мастикова Н. С. Ценности россиян: что следует из сопоставления статистик международных исследований / Н. С. Мастикова // Социологический журнал. 2013. № 3. С. 6-46.
10. Немировский В. Г. Российский кризис в зеркале постнеклассической социологии / В. Г. Немировский. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 200 с.
11. Немировский В. Г. Социология человека. От классических к постнеклассическим подходам / В. Г. Немировский, Д. Д. Невирко. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 302 с.
12. Парсонс Т. О социальных системах / Т. Парсонс. М.: Академический проект, 2002. 832 с.
13. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
14. Попков Ю. А. Базисные ценности народов евразийской цивилизации в условиях глобализации / Ю. А. Попков // Электронный журнал «Новые исследования Тувы». 2009. № 1-2. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/95-basic-values.html (дата обращения: 12.02.2018).
15. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / [М. К. Горшков и др.]; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. 424 с.
16. Рябова М. А. Специфика ценностных ориентаций представителей коренных малочисленных народов Севера / М. А. Рябова // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 1. С. 115-121.
17. Тощенко Ж. Т. Жизненный мир и его смыслы / Ж. Т. Тощенко // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 6-17.
18. Тощенко Ж. Т. «Кентавр-проблема». Опыт философского и социологического анализа / Ж. Т. Тощенко. М.: Новый хронограф, 2011. 562 с.
19. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек / Ж. Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 543 с.
20. Тощенко Ж. Т. Смысл жизни: опыт анализа с позиций социологии жизни / Ж. Т. Тощенко // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 3-14.

21. Фромм Э. Психоанализ и религия. Искусство любить. Иметь или быть / Э. Фромм. Киев: Ника-Центр, 1998. 400 с.
22. Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values / G. Hofstede. Beverly Hills. CA: Sage, 1980.
23. Inglehart R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies / R. Inglehart. Princeton: Princeton University Press, 1990. Pp. 81-98.
24. Maslow A. H. Motivation and Personality / A. H. Maslow. Publisher, Harper, 1954. Length, 411 p.
25. Reker G. Aging as an Individual Process: Toward a Theory of Personal Meaning / G. Reker, P. Wong // Emergent theories of aging / J. E. Birren, V. L. Bengtson (eds.). New York: Springer, 1988. Pp. 214-246.
26. Rokeach M. The Nature of Human Values / M. Rokeach. New York: Free Press, 1973. 438 p.
27. Rokeach M. Understanding Human Values: Individual and Societal / M. Rokeach. New York: Free Press, 1979. 322 p.
28. Schwartz S. H. Toward a Theory of the Universal Content and Structure of Values: Extensions and Cross-Cultural Replications / S. H. Schwartz, W. Bilsky // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. Vol. 58. Pp. 878-891.
29. Schwartz S. H. Universals in Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries / S. H. Schwartz // Advances in Experimental Social Psychology / ed. by M. P. Zanna. San Diego, CA: Academic Press, 1992. Vol. 25. Pp. 1-6.
30. Schwartz Sh. Mapping and Interpreting Cultural Differences around the World / Sh. Schwartz // Comparing Cultures: Dimensions of Culture in a Comparative Perspective / ed. by H. Vinken, J. Soeters, P. Ester. Leiden, Netherlands: Brill, 2004. Pp. 43-73.
31. Schwartz Sh. A Theory of Cultural Value Orientations: Explication and Applications / Sh. Schwartz // Measuring and Mapping Cultures: 25 Years of Comparative Value Surveys / edited by Y. Esmer, T. Pettersson. Leiden, Boston, 2007. Pp. 33-79.
32. Welzel C. Human Development as a General Theory of Social Change: A Multi-Level and Cross-Cultural Perspective / C. Welzel, R. Inglehart, H.-D. Klingemann. WZB Discussion Paper, 2001. No FS III 01-201. 48 p. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/49004/1/336629338.pdf> (дата обращения: 12.02.2018).
33. Welzel C. The Theory of Human Development: A Cross-Cultural Analysis / C. Welzel, R. Inglehart, H.-D. Klingemann // European Journal of Political Research. 2003. No 42 (3). Pp. 341-379.

DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-1-20-40

Understanding of the Meaning of Life as Envisioned by the Population of the Krasnoyarsk Region: The Structure and Dynamics (1991–2016)

Valentin G. Nemirovskiy

Dr. Sci. (Soc.), Professor, University of Tyumen
valnemirov@mail.ru

Abstract. This article aims to analyse the uncharted changes in the structure of the life attitudes and value orientations of the population in the Krasnoyarsk Region for the 26 years of the country's socio-economic shift. The author analyses the respondents' meaning of life in its two roles: 1) the prospects for the desired future and 2) the orientations at finite and pragmatic values. This study relies on five representative studies in the region with the help of formalised interviews with comparable methodologies. The analysis of the data obtained has employed the methods of mathematical statistics (correlation and factor analysis). The author uses the notion of hierarchical level of value orientations on a 7-level scale of needs, in accordance with a modified Maslow's hierarchy of needs. The study covers occurring transformation of life attitudes and orientations of the region's population as well in the context of E. Fromm's dichotomy of "being" and "having". The results show three image types of the desired future, the social values and characteristics of which were analysed then: 1) "Material wealth and prestige", 2) "Work and family", and 3) "Spiritual and moral development". The author establishes that the set of attitudes referring to the desired future's image type "Material wealth" and the related finite and pragmatic values correspond to the prevailing the type of social order in Russia. He shows that, in the mass consciousness of the Krasnoyarsk Territory's population, there was a rise in the value orientations involving prestige-consumerism, hedonism, and family-prestige. The regional society requires more social practices based on values of lower levels close to the pole of "having". Accordingly, it is transitioning from the survival to development stage. During the study period, the respondents' confidence in fulfilling their image of the desired future nearly doubled. The author concludes that a large part of the regions' population adapts to the current social situation socially, psychologically, and morally. The spread of the public life views and orientations of lower levels is an important factor that determines the continued social change, which prevent the society from achieving a higher level of development.

Keywords: views on the meaning of life, the image of the desired future, level of values, value orientations, Siberia, Krasnoyarsk Territory, a hierarchy of values, Maslow's pyramid, "being" and "having" modes.

Citation: Nemirovskiy V. G. 2018. "Understanding of the Meaning of Life as Envisioned by the Population of the Krasnoyarsk Region: The Structure and Dynamics (1991-2016)". *Siberian Socium*, vol. 2, no 1, pp. 20-40. DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-1-20-40

REFERENCES

1. Alexander J. C. 2013. *Smysly sotsial'noy zhizni: kul'tursotsiologiya* [The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology]. Moscow: Praksis.
2. Bauman Z. 2008. *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. Saint Petersburg: Piter.

3. Berger P. L., Luckmann T. 1995. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sotsiologii znaniya [The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge]. Moscow: Medium.
4. Goffman E. 2004. Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta [Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience]. Moscow: Institut sotsiologii RAN.
5. Goffman E. 2000. Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoy zhizni [The Presentation Self in Every Day Life]. Moscow: KANON-press-Ts.
6. Durkheim E. 1991. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii [The Division of Labour in Society]. Moscow: Nauka.
7. Kogan L. N. 1984. Tsel' i smysl zhizni cheloveka [The Purpose and Meaning of Human Life]. Moscow: Mysl'.
8. Magun V. S., Rudnev M. G. 2011. "Bazovye tsennosti-2008: skhodstva i razlichiya mezhdru rossiyanami i drugimi evropeytsami" [Core Values-2008: Similarities and Differences between the Russians and Other Europeans]. In: Gorshkov M. K. (ed.). Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik-2011 [Reforming Russia: Yearbook 2011], vol. 10, pp. 244–280. Moscow; Saint Petersburg: Institut sotsiologii RAN, Nestor-Istoriya.
9. Mastikova N. S. 2013. "Tsennosti rossiyan: chto sleduet iz sopostavleniya statistik mezhdunarodnykh issledovaniy" [Values of Russians: What Follows from the Comparison of Statistics for International Studies]. Sotsiologicheskiy zhurnal, no 3, pp. 36–46.
10. Nemirovskiy V. G. 2009. Rossiyskiy krizis v zerkale postneklassicheskoy sotsiologii [The Russian Crisis in the Mirror of Post-Non-Classic Sociology]. Moscow: Librokom.
11. Nemirovskiy V. G., Nevirko D. D. 2008. Sotsiologiya cheloveka. Ot klassicheskikh k postneklassicheskim podkhodam [The Sociology of Man. From Classic to Post-Non-Classic Approaches]. 2nd edition, revised. Moscow: LKI.
12. Parsons T. 2002. O sotsial'nykh sistemakh [The Social System]. Moscow: Akademicheskiiy proekt.
13. Parsons T. 1998. Sistema sovremennykh obshchestv [The System of Modern Societies]. Moscow: Aspekt Press.
14. Popkov Yu. A. 2009. "Bazisnye tsennosti narodov evraziyskoy tsivilizatsii v usloviyakh globalizatsii" [The Basic Values of the Peoples of the Eurasian Civilizations in the Context of Globalization]. Elektronniy zhurnal Novye issledovaniya Tuvy, no 1–2. http://https://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/95-basic-values.html
15. Gorshkov M. K. et al. 2017. Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni [Russian Society and Challenges]. Vol. 5. Edited by M. K. Gorshkov and V. V. Petukhov. Moscow: Ves' Mir.
16. Ryabova M. A. 2016. "Spetsifika tsennostnykh orientatsiy predstaviteley korennykh malochislennykh narodov Severa" [The Specificity of the Value Orientations of Indigenous Small-Numbered Peoples of the North]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta, no 1, pp. 115–121.
17. Toshchenko Zh. T. 2016. "Zhiznenniy mir i ego smysly" [Living World and Its Meanings]. Sotsiologicheskie issledovaniya, no 1, pp. 6–17.
18. Toshchenko Zh. T. 2011. "Kentavr-problema". Opyt filosofskogo i sotsiologicheskogo analiza [The "Centaurus" Problem. The Experience of Philosophical and Sociological Analysis]. Moscow: Noviy khronograf.
19. Toshchenko Zh. T. 2008. Paradoksal'niy chelovek [The Paradox Man]. Moscow: YuNITI-DANA.
20. Toshchenko Zh. T. 2016. "Smysl zhizni: opyt analiza s pozitsiy sotsiologii zhizni" [The Meaning of Life: Experience Analysis from the Perspective of Sociology of Life]. Sotsiologicheskie issledovaniya, no 11, pp. 3–14.
21. Fromm E. 1998. Psikhooanaliz i religiya. Iskusstvo lyubit'. Imet' ili byt' [To Have or to Be]. Kiev: Nika-Tsentr.
22. Hofstede G. 1992. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills. CA: Sage.
23. Inglehart R. 1990. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies, pp. 81–98. Princeton: Princeton University Press.

24. Maslow A. H. 1954. *Motivation and Personality*. Harper.
25. Reker G., Wong P. 1988. "Aging as an Individual Process: Toward a Theory of Personal Meaning". In: Bitten J. E., Bengston V. L. (eds.). *Emergent Theories of Aging*, pp. 214–246. New York: Springer.
26. Rokeach M. 1973. *The Nature of Human Values*. New York: Free Press.
27. Rokeach M. 1979. *Understanding Human Values: Individual and Societal*. New York: Free Press.
28. Schwartz S. H., Bilsky W. 1990. "Toward a Theory of the Universal Content and Structure of Values: Extensions and Cross-Cultural Replications". *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 58, pp. 878–891.
29. Schwartz S. H. 1992. "Universals in Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries". In: Zanna M. P. (ed.). *Advances in Experimental Social Psychology*, vol. 25, pp. 1–6. San Diego: Academic Press.
30. Schwartz S. H. 2004. "Mapping and Interpreting Cultural Differences around the World". In: Vinken H., Soeters J., Ester P. (eds.). *Comparing Cultures: Dimensions of Culture in a Comparative Perspective*, pp. 43–73. Leiden, Netherlands: Brill.
31. Schwartz S. H. 2007. "A Theory of Cultural Value Orientations: Explication and Applications". In: Esmer Y., Pettersson T. (eds.). *Measuring and Mapping Cultures: 25 Years of Comparative Value Surveys*, pp. 33–79. Leiden, Boston.
32. Welzel C., Inglehart R., Klingemann H.-D. 2001. "Human Development as a General Theory of Social Change: A Multi-Level and Cross-Cultural Perspective". WZB Discussion Paper no FS III 01-201. <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/49004/1/336629338.pdf>
33. Welzel C., Inglehart R., Klingemann H.-D. 2003. "The Theory of Human Development: A Cross-Cultural Analysis". *European Journal of Political Research*, vol. 42, no 3, pp. 341-379.